

Меньше придумывать, больше продумывать

Владимир Кучкин

To think out less, to think through more

Vladimir Kuchkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014459-5

Статья «О проблеме возникновения Твери в середине XII века» П.Д. Малыгина и С.В. Богданова продолжает полемику, которая тянется уже более 30 лет между тверскими археологами П.Д. Малыгиным и А.Н. Хохловым относительно того, когда возникла Тверь, сыгравшая значительную роль в русской истории, особенно в XIII—XIV столетиях. Споры, ведущиеся между этими учёными, побуждали и продолжают побуждать первого из них отрицать во что бы то ни стало всё, что достигнуто его научным оппонентом. А так как работы Хохлова подтверждали и уточняли основные выводы историков XIX в. и последующего времени, Малыгин, взяв себе в союзники Богданова, перешёл к жёсткой критике и этих исследователей. Поскольку из двух соавторов опубликованной статьи на первом месте вопреки порядку букв русского алфавита стоит фамилия Малыгина, делается очевидным, что основной текст совместного труда написан им, и при анализе данной публикации можно называть только одного автора.

Ознакомление с работой Малыгина показывает, что её автор настаивает на позднем происхождении города Твери. «Тверь как город-крепость в устье Тьмаки могла появиться лишь в период 1180—1216 гг. или позднее», — безапелляционно утверждает он. В этой связи нечёткий заголовок статьи — «О проблеме возникновения Твери в середине XII века» — определённым образом дезориентирует читателя. В историографии ставится вопрос о возникновении Твери в 1140-х гг., а не в середине XII в. Малыгин это отрицает, предлагая более позднюю дату основания города. В таком случае название работы должно быть иным: «Когда возникла Тверь?» или «Тверь — город 1180—1216 гг.», чтобы был ясен вопрос, который он хочет рассмотреть. Но Малыгин чёткости и ясности старается избегать, видимо, не будучи уверен в правильности своих изысканий и заключений.

Оставляет желать лучшего и архитектура статьи. П.Д. Малыгин сначала говорит о данных археологии, используя лишь одну книгу и две статьи¹, затем по летописям излагает политические и военные события на Руси в конце 1148 — начале весны 1149 г., вновь обращается к археологии, после чего анализирует агиографический памятник XII в., снова использует летописи, упоминающие Тверь в домонгольское время. Между тем в работах подобного рода не принято смешивать археологические находки со свидетельствами письменных источ-

© 2021 г. В.А. Кучкин

¹ Лапишин В.А. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009; Хохлов А.Н. Новые материалы по древнейшей истории города Твери // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61); Хохлов А.Н., Иванова А.Б. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь, 2016.

ников. Эти не связанные между собой типы исторических источников следует анализировать отдельно друг от друга, но полученные конечные результаты обязательно сопоставлять. Поэтому сначала рассмотрим, как Малыгин анализирует археологические данные.

Он начинает с книги Лапшина, однако анализ оказывается чрезвычайно лапидарным. Малыгин лишь ссылается на автора, «убедительно доказавшего, что в центральной части Тверского кремля нет слоёв древнее 1270-х гг.». Какие предметы найдены при раскопках, как они датируются, кому принадлежат, не сообщается. Что касается лапидарного вывода автора, то он двусмыслен. Если в части Тверского кремля, изученного Лапшиным (он вёл раскопки в северо-восточной, прилегающей к Волге, части кремля, а не в его центре, как утверждает Малыгин), самыми ранними оказываются слои 1270-х гг., то это значит, что данный участок крепости освоен в указанные годы. В этом нет ничего необычного. В частности, в Московском кремле, о котором сохранилось гораздо больше летописных и документальных свидетельств, чем о Тверском, по завещаниям московских великих и удельных князей и княгинь XV в. фиксируются сады и житницы, в которых хранились хлебные зерновые запасы, т.е. места, где не было жилых построек. Так, в завещании двоюродного брата Дмитрия Донского серпуховского князя Владимира Андреевича, составленном, скорее всего, в 1408 г., названы Бутов и Чичаков сады, по всем признакам, находившиеся в кремле. В завещании 1451 г. вдовы великого князя Василия I Софии Витовтовны указано «место дворовое Фоминское Ивановича» в Московском кремле, где великая княгиня София «поставила житничный двор»². Обнаружение в таких местах артефактов прошлого позволяет говорить о том, что те были заселены позднее, чем другие участки, но это не значит, что Москва возникла в XV в. Для Малыгина поздняя датировка археологических слоёв в некоторой части Тверского кремля служит базой для попыток датировки возникновения не части, а всей Твери в позднее время. Говоря же строго, пятилетние раскопки Лапшина в таком большом средневековом городе, как Тверь, недостаточны для характеристики появления и развития города за три столетия. В древнерусских городах, подобных Твери, таких как Новгород, Москва, Псков, археологические работы идут десятилетиями. Малыгину следовало бы оценить все раскопки, произведённые в Твери, и их результаты, но тщательность и скрупулёзность не в чести у такого исследователя. Он делает неожиданные обобщающие выводы, исходя из единичных фактов.

Кроме книги Лапшина Малыгин рассмотрел две статьи Хохлова, который исследовал северо-западную часть Тверского кремля близ впадения в Волгу её левого притока — Тьмаки. Малыгин вынужден отметить, что его оппонент в раскопе № 23 обнаружил «культурный слой, отложившийся с рубежа XI—XII вв. до 1170—1180-х гг.». Однако далее следует полное несогласие с выводами Хохлова. Вот что пишет Малыгин о новых находках в Тверском кремле: «Полученные на раскопе 23 в тверском кремле дендродаты, на первый взгляд, полностью опровергают наши выводы: дендродаты с постройки 9 — 1149 г., с постройки 11 — 1150 г. Нам представляется, что эти даты можно объяснить двояко. Во-первых, вторичным использованием дерева в постройках. Например, в раскопе 11 со сруба № 33 было получено 8 спилов, дендродаты которых дали разброс в 51 год (1292—1343 гг.). Во-вторых, деревянные постройки

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 17. С. 50; № 51. С. 177.

с датами 1149 и 1150 гг. относятся к догородскому поселению». Осмысление первичного материала — необходимый этап в каждой науке. При этом исследователи выдвигают разные объяснения. Но они не должны заменять собой объективных данных, характеризующих полученный материал. А Малыгин напряжением ума хочет изменить выясненные даты: 1149 и 1150 гг., объявляя, что они якобы вторичны, и приводя в качестве параллели данные о 8 разных датах сруба № 33. Почему наличие разных дат 8 спилов Малыгин объясняет «вторичным использованием дерева», а не более поздними починками и достройками раннего объекта, он не уточняет. Но даже если поверить в абстрактные измышления автора и посчитать, что срубленные в 1149 и 1150 гг. деревья нашли применение в строительстве только в 1199 г. и 1200 г., это будет на несколько десятилетий раньше «убедительного доказательства», «что в центральной части Тверского кремля нет слоёв древнее 1270-х гг.». А виртуальный догородской дом разве не мог быть заселён вооружённой стражей? Автор новой теории о возникновении Твери явно не ведает, что вытекает из его соображений, руководствуясь не последовательными мыслями, пусть даже ошибочными, а обрывками мыслей. Ничего не может дать и сопоставление дендрохронологических данных срубов 9 и 11 раскопа 23 с дендрохронологическими данными сруба 33 раскопа 11. В последнем обнаруживается разброс таких данных, а в первых двух случаях подобного разброса нет. Чтобы выяснить определённую деталь, нельзя сравнивать разнокачественные вещи. Но Малыгин такое делает и в результате получает вполне ожидаемую «баранку».

Обратимся к письменным источникам, на которые опирается Малыгин, выводя свою неproblemную дату возникновения Твери — «в период 1180—1216 гг. или позднее». С первого курса учёбы на исторических факультетах студентам становится известно, что древнейшими русскими летописями, освещающими домонгольский период русской истории, являются Новгородская I, Лаврентьевская и Ипатьевская. Это азбука для любого специалиста по истории средневековой Руси. С XIX в. именно свидетельства этих трёх летописей лежат в основе изложения древнерусской истории домонгольского времени. Выясняется, однако, что с этой азбучной истиной Малыгин не знаком. Древность Новгородской I и Ипатьевской летописей он признаёт, но Лаврентьевскую летопись даже не упоминает. Между тем этот памятник, несмотря на свою краткость, содержит уникальные детали похода киевского князя Изяслава Мстиславича на Юрия Долгорукого в конце 1148 — начале 1149 г.: «Иде Изяслав Новугороду ис Киева в помочь Новгородцем на Гюргя. А всем повелѣ по собѣ ити. И поидоша по нем, и похромоша кони оу них. И сам с Новгородци дошедь Волгы и повоевавъ ю, и не оуспѣ ничтоже Гюргеви. И дошед Оуглеча Поля, поворотися Новугороду и иде Смолинску, и зимова ту. И наставши веснѣ, приде Изяславъ Киеву, и ради быша людѣ»³. Из приведённого текста выясняется, что киевский князь Изяслав Мстиславич, выступая в поход против своего дяди, суздальского князя Юрия Долгорукого, имел союзников, которые пошли за ним, но столкнулись с такой бедой, как хромота коней. Данное свидетельство обнаруживает все признаки достоверности. Поход Изяслава датируется зимой 1148 г. — началом весны 1149 г., когда началось таяние льда, и боевые кони ранили ноги, разбивая подтаявший лёд на острые колющие куски. В таких случаях в Средние века войны заканчивались или не начинались. Известно, например, что новгород-северскому князю Игорю Святославичу (герою «Слова

³ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 320.

о полку Игореве») незадолго до его неудачного похода на половцев было предложено принять участие в коллективном походе на них многих русских князей. Игорь согласился, но помешала непогода. Образовался «серен» — льдистый смёрзшийся талый снег, который не могла пройти конная дружина князя⁴. Конечно, приведённые аргументы в пользу достоверности уникального указания Лаврентьевской летописи на хромоту лошадей врагов Юрия Долгорукого не могут быть механически перенесены на весь её текст, повествующий о событиях на Руси в конце 1148 — начале 1149 г., однако оставлять её свидетельства без всякого внимания, как это делает Малыгин, нельзя⁵. Малыгин же не упоминает эту летопись потому, что там успехи князя Изяслава Мстиславича и его союзников при движении от устья Медведицы до Углича Поля не описываются (Изяслав с новгородцами «дошедь Волгы и повоевавъ ю, и не оупсѣ ничтоже Гюргеви»). Может ли Малыгин, применяя такие неисследовательские приёмы, претендовать на научную значимость своего труда?

Вместо Лаврентьевской летописи для реконструкции событий конца 1148 — начала 1149 г. Малыгин использует Тверской сборник. Такое условное название получила в науке летопись, описывающая события русской истории до февраля 1499 г. Сохранились записи писца (возможно, что их оставил и сам составитель памятника), свидетельствующие о том, что над текстом летописи работали в Ростове в 1534 г.⁶ Следовательно, Тверской сборник возник не ранее XVI в. В прениях на разных семинарах и конференциях, где Малыгин выступал со своими докладами о позднем происхождении Твери, ему не раз указывали на то, что он для характеристики событий XII в. использует данные XVI в. Но Малыгин упорно стоит на своём, видимо, считая, что постоянная неправда в течение длительного времени может преобразоваться в правду. Но вот какая правда из этого получается.

Анализируя текст Ипатьевской летописи, Малыгин отмечает, что она говорит о соединении сил смоленского князя Ростислава Мстиславича и его брата киевского князя Изяслава Мстиславича в устье впадавшей в Волгу слева Медведицы. Это второе и последнее упоминание данной реки в русских летописях. Затем Малыгин, излагая последующие действия объединившихся братьев, опирается, как и три десятилетия назад, на свидетельства Ермолинской летописи и Тверского сборника. В первой сказано, что после встречи на волжском левобережье в устье Медведицы Изяслав и Ростислав Мстиславичи «оттолѣ приидоша ко Снятину, и к Угльчю, и к Молозѣ, даже и до Ярославля, воююще и жгуще»⁷, а в Тверском сборнике и того яснее: «свьѣкупишася на Волзѣ, на усть Медвѣдици... И оттолѣ поидоша къ Снятину, и къ Углечу и къ Молозѣ, и много воеваша людей Юріевыхъ, даже и до Ярославля, по Волзе; и взяша 6 городовъ, и воюючи, и жгучи»⁸. Но в Ермолинской летописи говорится, что с устья Медведицы Мстиславичи «послаша къ Юрю», тогда как в более древней Ипатьевской летописи написано, что посольство к Юрию Долгорукому было направлено значительно раньше и не с устья Медведицы, а из Смоленска.

⁴ Там же. Т. II. СПб., 1908. Стб. 637.

⁵ В частности, сообщение о захромавших конях в войске противников Юрия Долгорукого делает бессмысленными все расчёты Малыгина о скорости передвижения этого войска, поскольку в их основе лежат данные о передвижении только здоровых лошадей, хромые в расчёт не приняты.

⁶ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. С. V.

⁷ Там же. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 36.

⁸ Там же. Т. XV. Стб. 212.

В Тверском же сборнике сообщений о посольстве к Юрию Долгорукому нет. В итоге получается, что в основу своих заключений относительно событий XII в. Малыгин снова кладёт текст не только поздних, но и явно недостоверных летописных памятников XVI в., выдавая неудачную редакторскую работу их составителей за первоначальные свидетельства о прошлом. На самом деле приведённые им цитаты отражают точку зрения сводчиков XVI в. на события XII столетия, не более того. Чтобы изучать реалии XII в., нужна совсем иная, гораздо более сложная методика исследования, о которой Малыгин просто не догадывается.

Поясним это на одном примере. Приводя выдержки из Ермолинской летописи и Тверского сборника, Малыгин предваряет их таким замечанием: «В Ермолинской летописи и родственном ей Тверском сборнике, очевидно, в их общем протографе» существовали, например, такое-то известие или такое-то чтение. В данном случае Малыгин пытается обосновать положение о том, будто особые «чёткие» чтения двух поздних летописных памятников являются древними, их оригинал был создан очень давно. Но это не так. Соотношение двух памятников иное. Ермолинская летопись послужила источником Тверского сборника. Такое заключение устанавливается сравнением не нескольких слов и не нескольких строк текста, как в статье Малыгина, а сличением текстов объёмом в несколько десятков печатных листов, чего Малыгин никогда не делал и не делает. Ермолинская летопись не могла быть написана на основе Тверского сборника, поскольку она сохранила известие о посольстве к Юрию Долгорукому от его противников, Тверской же сборник такого известия не имеет. Следовательно, он не мог послужить источником Ермолинской летописи. А Ермолинская летопись источником Тверского сборника быть могла, общего источника — более раннего протографа — они не имели. Малыгин старается предстать перед читателями специалистом не только по археологии, но и по истории русского летописания, но на самом деле употребляет специальные термины, применяемые при исследовании нарративов, не понимая их значения, а главное, не проделывая той работы, результат которой обозначается такими терминами.

Откуда же брал живший в XVI в. составитель Ермолинской летописи сведения о борьбе киевского князя Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким в конце 1148 — начале 1149 г.? Ведь эти события происходили примерно за 400 лет до её написания. В работе Малыгина такой вопрос даже не ставится, поскольку он возводит текст Ермолинской летописи к мифическому общему источнику её и Тверского сборника. Но в научной литературе он ставился, причём достаточно давно. В 1969 г. А.Н. Насонов в монографии о русском летописании с самого его зарождения до начала XVIII в. показал, что до 1425 г. основным источником Ермолинской летописи был летописный свод XV в., который в значительно большей степени использовался при составлении московского великокняжеского свода в 1479 г. В свою очередь этот не дошедший до нашего времени свод XV в. основывался на летописи, содержавшей в своём составе Киевский свод 1198 г.⁹ Одна летопись, сохранившая такой свод, хорошо известна — Ипатьевская. Однако Насонов установил, что свод 1198 г., бывший в руках составителя свода XV в., несколько отличался от списка свода 1198 г., что был в распоряжении составителя Ипатьевской летописи. Малыгин

⁹ Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 260—271, 283—293.

ничего об этих работах Насонова не знает и лишает себя возможности использовать ещё один источник при описании и характеристике событий 1148—1149 гг.

Остаётся лишь два древних летописных памятника, которыми пользуется Малыгин, пытаясь доказать позднее возникновение Твери. Первый из них — Новгородская I летопись. Приводим её текст по старшему изводу этой летописи: «В лѣто 6656. Тое же зимѣ приде Изяслав Новугороду, сынѣ Мьстиславль, ис Кыева, иде на Гюргя Ростову съ новгородьци; и мьного воеваша людье Гюргево, и по Волзѣ взяша 6 городькъ, оли до Ярославля попустиша, а головъ възьша 7 000, и воротишася роспутия дѣля»¹⁰.

Вторым источником является рассказ Ипатьевской летописи, восходящий к киевскому своду 1198 г. смоленского князя Рюрика Ростиславича, занимавшего в то время киевский стол. Рассказ этот достаточно объёмен, и его приходится частью пересказывать и лишь частью дословно цитировать, когда речь идёт о значимых свидетельствах этого рассказа. Датирован такой рассказ в Ипатьевской летописи 6656 г. от сотворения мира. В нём говорится, что «в то же веремья» киевский князь Изяслав Мстиславич, оставив в Киеве вместо себя своего брата Владимира, а в Переяславле Южном своего сына Мстислава, двинулся войной на суздальского князя Юрия Долгорукого. Путь шёл через Смоленск, где правил брат Изяслава и его союзник князь Ростислав Мстиславич. Смоленск был назначен первым пунктом сбора антисуздальских сил. Туда должны были прибыть киевские и переяславские полки, двигавшиеся вслед за Изяславом, чтобы соединиться со смоленскими войсками. Сам Изяслав должен был из Смоленска проехать в Новгород, чтобы уговорить новгородцев идти походом на Долгорукого. Брату Ростиславу Изяслав «приказа полкы своя тоуда же пойти по Волзѣ, всимъ снятися на оустѣ Медвѣдѣци»¹¹. С небольшой дружиной Изяслав прибыл в Новгород, где был радостно встречен новгородцами и сыном Ярославом. Не остался в долгу и Изяслав. В тот же день он устроил для новгородцев пир. Московский великокняжеский свод 1479 г., содержащий в себе киевский свод 1198 г. особой редакции, уточняет, что пир проходил «на Городище», т.е. на Рюриковом Городище в 4 км от Новгорода, где находилась княжеская резиденция. На следующее утро было созвано вече, на котором Изяслав Мстиславич объявил, что он прибыл помогать новгородцам против Юрия Долгорукого. От новгородцев зависит, воевать ли с Долгоруким или заключить с ним мир. Все новгородцы высказались за войну. «И тако, — продолжает летопись, — поидоша Новгородци съ Изяславомъ всими силами своими и Пльсковичѣ, и Корѣла. И приде Изяславъ на Волгоу съ Новѣгородци на оустѣ Медвѣдицѣ и тоу жда брата своего Ростислава 4 дни. И приди емоу Ростислав и съ всими Роускими силами полкы и съ Смоленскими. И тоу съвкоупишися и поидоста внизѣ по Волзѣ, послали бо башета и Смоленска прежде послы своя къ Гюргеву, къ стрѣви своему. Он же к нима ни посла их опять поусту, ни своего поусту. И придоста къ Къснятиноу, и тоу имѣ от Гюргя вѣсти не бысть. И начаста города его жечи и села и всю землю его воевати [обалопы Волги. — списки ХП в.]. И поидоста оттолѣ на Оуглече поле и оттуда идоста на оустѣ Мологы... И оттолѣ пустиста Новгородци и Роусь воевати къ Ярославлю. И в то время оуже бысть тепло, башеть бо оуже вѣрбноѣ недѣли, и бысть вода по

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 28.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 369.

Волзѣ и по Молозѣ по чрево коневѣ на ледоу. И в то вереме придоша Новгородци, повоевавшѣ, Роусь от Ярославля и полонѣ много принесоша. И много зла земли той створиша. Изяславъ же съ братомъ Ростиславомъ сдоумаша, оже оже рѣкъ ся роушають, и оугодиша поити розно. И тако Ростиславъ поиде полкы своими Смоленскоу, а Изяславъ, брат его, иде к Новоугородоу Великому. А дружина Роуская они с Ростиславомъ идоша, а друзѣи комоу куды годно»¹². Как же оценивает эти источники Малыгин и что извлекает из них для характеристики событий зимы 1148 г. — весны 1149 г.?

Относительно известий Новгородской I летописи он пишет, что все они подводят итоги действий киевского князя Изяслава, в том числе взятие им шести городков Юрия Долгорукого, причём пишет об этом дважды, по-разному цитируя текст Новгородской I летописи, устраняя при этом важные детали. Так, в первом случае Малыгин опускает слова «иде на Гюргя Ростову съ новгородьци», которые прямо свидетельствуют против его утверждения, будто в Новгородской I летописи описаны действия одного Изяслава, а его союзников — не описаны. Во втором — в выдержке из летописи, на которую опирается исследователь, подлежащее «Изяславъ» сопровождается сказуемыми «воеваша», «взяша», «попустиша», «възяша», «воротишася». Все эти глаголы имеют форму аориста третьего лица множественного числа. Почему же подлежащее «Изяславъ» (третье лицо единственного числа) сопровождается сказуемыми множественного числа? Ответ прост. Выясняется, что Малыгин элементарно не знает древнерусского языка, принимая за одно и то же единственное и множественное числа¹³. Зато предлагает сделанный на таком уровне знания вывод, будто шесть городков Юрия Долгорукого мог занять только киевский князь.

Что касается Ипатьевской летописи, то она делается для Малыгина главным источником изысканий. Однако при этом он ограничивается только описанием событий конца 1148 — весны 1149 г. Что говорит эта летопись о событиях зимы—осени 1148 г. или лета—зимы 1149 г., автора почему-то не интересует. Поэтому он не может сказать, из-за чего началась война и как нужно оценивать её окончание: в пользу киевского князя Изяслава Мстиславича и его союзников или в пользу князя суздальского Юрия Владимировича Долгорукого?

Ответы даёт Ипатьевская летопись, но на других страницах своего текста, оставляемых Малыгиным на протяжении 30 лет его занятий данной темой без внимания. В частности, описывая совещание киевского князя Изяслава с черниговскими князьями, состоявшееся осенью 1148 г. в Городце Остерском и закончившееся договоренностью о совместном походе на Юрия Долгорукого, «ако ледове станууть», Ипатьевская летопись сообщает, как мотивировал Изяслав необходимость борьбы с Долгоруким. Оказывается, суздальский князь «обидить мои (князя Изяслава. — В.К.) Новгородъ и дани от них отоималъ,

¹² Там же. Стб. 370—372. Воскресенье Вербной недели в 1149 г. приходилось на 27 марта (Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 147).

¹³ Выясняется также, что Малыгин не только неверно понимает древнерусский текст, но и неправильно его читает. В цитате из Ипатьевской летописи, взятой из её издания 1908 г., предназначенного скорее лингвистам, чем историкам, Малыгин два слова, заканчивавшиеся на последнюю выносную (написанную над строкой) букву «с», печатает как «съвкоупиша(с)» и «бы(с)». Но в первом случае выносная «с» обозначает возвратную частицу «ся», и в строке надо писать «съвкоупиша(ся)», а во втором случае — определённую форму глагола «быти», и в строке надо писать «бы(сть)».

и на поутех имъ пакости дѣть»¹⁴. Следовательно, походу Изяслава и его союзников на Волгу предшествовали захваты Юрием Долгоруким новгородских земель, с которых перестала в Новгород поступать дань, направляемая теперь в Суздаль, а на путях, в число которых входили и пути речные, суздальцы стали пакостить новгородцам, видимо, собирая с них новые дополнительные пошлыны, подвергая своему суду или просто не пропуская их в нужные им места. Это делает понятным, почему Изяслав объектом своего похода в конце 1148 — начале 1149 г. сделал тот участок волжского речного пути, который был разграничительным между Новгородом и Суздалем. Ипатьевская летопись вместе с другими источниками позволяет выяснить, когда и почему появились такие захваты. Они начались тогда, когда новгород-северский князь Святослав Ольгович, гонимый захватившим киевский стол князем Изяславом Мстиславичем и его родственниками, а также своими двоюродными братьями Давыдовичами, обладавшими Черниговом, потерял почти все свои владения и обратился за помощью к суздальскому князю Юрию Долгорукому. «Братама Всеволода богъ пояль, — писал Святослав Юрию, — а Игоря Изяслав яль. А поиди в Роускою землю Киевоу, милосердовавъ, мы налѣзим брата. А язъ ти сде, надѣясь божѣ и силѣ животворящаго хреста, боуду ти помощникъ»¹⁵. Юрий Долгорукий давно хотел занять киевский стол, но у него не было сильного союзника среди южнорусских князей. Теперь такой помощник появлялся. К тому же за спиной помощника стояли половецкие ханы, братья матери Святослава Ольговича и братья его жены, дочери хана Аепы. Юрий Долгорукий без колебаний принял предложение Святослава. Однако первое военное вторжение Юрия в южные черниговские земли завершилось для него неудачно. Киевский князь Изяслав Мстиславич сумел организовать нападение на Суздальское княжество рязанского князя, и Юрий вынужден был вернуться восвояси. Но в начале 1147 г. Юрий начал войну с Новгородом, где правил брат киевского князя Изяслава Святополк. Как сообщает Ипатьевская летопись, Юрию Долгорукому удалось взять Торжок и «Мьсту всю взять». Эта скупая фраза свидетельствует о том, что в руки суздальского князя перешли земли бассейнов рек Тверцы и Мсты. Основные течения этих двух рек обеспечивали самый короткий путь от Волги до Новгорода. Торжок Юрий Долгорукий брал уже второй раз. Первый раз такое случилось в 1139 г.¹⁶ Захваты Торжка в 1139 и 1147 гг. свидетельствуют о том, что суздальский князь чётко осознавал значение нового пути от Волги до Новгорода и обратно. Понимали это и новгородцы. В 1148 г. они прислали в Суздаль важного посла — своего архиепископа Нифонта «мира дѣля». Юрий Долгорукий с почётом принял приехавшее на переговоры высокое духовное лицо, отпустил пленных новоторжцев и случившихся в Торжке гостей, «нѣ мира не дастъ»¹⁷.

После ухода весной 1149 г. Изяслава Мстиславича и его союзников из владений Юрия Долгорукого последний собрал свои полки и летом 1149 г. выступил походом на Киевское княжество. Изяслав встретил его на левом берегу Днепра. Юрий начал было отступать, но потом решил на сражение. В упорной битве Изяслав был разбит и бежал во Владимир Волынский. В конце августа 1149 г. Юрий Долгорукий стал киевским князем.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 367.

¹⁵ Там же. Стб. 329.

¹⁶ НПЛ. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 28.

Чтобы закрепиться в Киеве, он решил до конца расправиться со своим воинственным племянником и политическим соперником. Изяслав призвал на помощь венгров, поляков и чехов. После военных и дипломатических манёвров во Владимире Волынском начались переговоры. Успеха они не имели. Изяслав требовал возвращения новгородских земель и даней, Юрий Долгорукий на это не шёл. Переговоры были прерваны до лучшего времени. В конце концов оно наступило. «Изяславъ съступи Дюргеви Киева, а Дюрги възврати всѣ дани новгородкыи Изяславу» — зафиксировала Ипатьевская летопись. Произошло это, когда «веснѣ приспѣвши»¹⁸. Поскольку древнерусское деление на времена года началом весны считало апрель, следует полагать, что замирение Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем произошло в апреле 1150 г. Следовательно, новгородскими землями Юрий Долгорукий обладал в течение нескольких лет: с весны 1147 по весну 1150 г. Отсюда можно заключить, что поход Изяслава Мстиславича на Суздальское княжество в конце 1148 — начале 1149 г. цели своей не достиг. И после похода Юрий Долгорукий сохранил за собой новгородские земли. Замечание Лаврентьевской летописи относительно князя Изяслава, который «не оуспѣ ничтоже Гюргеви», оказывается справедливым.

Приведённые свидетельства, которые Малыгин совершенно не привлекает для анализа войны Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким в 1148—1149 гг., позволяют сделать ещё несколько заключений. В частности, становится очевидным, что у Новгорода не было возможности вернуть свои земли, захваченные суздальским князем, собственными силами. Основную мощь антисуздальской коалиции составляли объединённые киевские, переяславские и смоленские полки. На них было возложено исполнение главной цели похода: движение по Волге и подавление тех военных точек Юрия Долгорукого, опираясь на которые суздальцы могли легко делать различные «пакости» новгородцам. За два года контроля над самой короткой дорогой Волга — Новгород суздальцы вполне успевали создать такие плацдармы, которые могли быть использованы не только против новгородцев, но и как базы поддержки администрации перешедших в руки суздальцев новгородских земель.

Таким образом, военно-политическая обстановка в Верхнем Поволжье в конце 1148 — начале 1149 г. оказалась совершенно не такой, как рисует её Малыгин. В руках Юрия Долгорукого в то время находились земли не только по правому берегу Волги, но даже по её левобережью, западнее р. Тверцы, выше её устья и ниже истока Мсты, хотя восточнее по Волге устье Медведицы, левого волжского притока, было новгородским. Там несколько дней стояла небольшая дружина Изяслава Мстиславича вместе с новгородским войском, ожидая прибытия основных сил из Смоленска; там заранее планировался сбор киевских, переяславских, смоленских, новгородских, черниговских и новгород-северских сил для общего похода на Юрия Долгорукого.

Миражным становится и утверждение Малыгина относительно отсутствия в конце 1140-х гг. суздальских городов на Волге выше устья Медведицы. Суздальским оказывается даже Торжок. Поэтому крайне вероятным делается строительство в эти годы Твери в качестве опоры суздальского властвования в новгородских землях по Тверце и Мсте.

Исследователь пытается доказать, что Тверь не могла появиться раньше основания городов в устьях правых притоков Волги от Княтина до Твери. Но история древнерусских городов домонгольского времени знает немало слу-

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 393.

чаев, когда княжества прирастали городами-анклавами. Киевскому княжеству, например, принадлежал расположенный в устье Днепра город Олешье, тогда как южная граница собственно Киевского княжества почти до конца XII в. ограничивалась р. Росью. Река Сула, левый приток Днепра, служила границей Переяславского княжества с половцами. Но в 1185 г. летопись упоминает переяславский город Донец, который был построен далеко на восток от пограничной Сулы. В 1098 г. переяславский князь Владимир Мономах на северной границе своего княжества при впадении р. Остер в р. Десну основал город Городец Остерский. В 1149—1151 гг., когда сын Мономаха Юрий Долгорукий боролся за киевский стол с князем Изяславом Мстиславичем, он сделал этот город своей военной базой. Когда Юрий Долгорукий был изгнан с Юга Руси в Суздаль, Изяслав Мстиславич сравнял Городец Остерский с землёй. Много позже младший сын Юрия Долгорукого Всеволод Большое Гнездо потребовал у южнорусских князей вернуть ему этот город. В 1194 г. владимирский князь послал в Переяславль Южный своего тиуна Гюрю и людей, чтобы восстановить Городец Остерский. А этот город находился без малого в 1 тыс. км от основных владений Всеволода Большое Гнездо. Неужели в конце 1140-х гг. Юрию Долгорукому было сложнее заложить крепость Тверь, отстоявшую всего на 111 км по прямой от построенного им Кснятина? Ведь сумел же Юрий в те годы захватить новгородский Торжок и земли к северу от него и удерживать их несколько лет.

Есть ещё один письменный источник, где упоминается домонгольская Тверь, — «Сказание о Владимирской иконе Божьей Матери». Этот памятник был обнаружен и введён в научный оборот ещё В.О. Ключевским в 1878 г. За полтора столетия его изучения выяснилось, что «Сказание» написано, скорее всего, в 1163 г., до похода Андрея Боголюбского в 1164 г. на государство волжских булгар¹⁹. «Сказание» содержит рассказы о десяти чудесах, которые произошли от владимирской иконы в разных местах Древней Руси. Рассказ о девятом чуде начинается словами «А се бысть в Тфѣри». Такое краткое и точное указание свидетельствует о том, что уже в начале 1160-х гг. Тверь была широко известна. Далее повествуется о том, как в Твери заболела боярыня, ждавшая рождения ребёнка. Туда «приѣха попъ Лазарь» — один из священников столичного владимирского храма Успения Богородицы. Узнав от местного попа о болезни боярыни, он посоветовал ей умиливать Владимирскую икону Богородицы. Боярыня разрешилась сыном, а во владимирский Успенский собор пожертвовала к иконе «златыя косы и усерязи свои», как и обещала²⁰. Вся эта история произошла до постройки во Владимире Золотых ворот, которые к 1164 г. уже существовали²¹, т.е. примерно в 1162 г. Такая дата идёт вразрез со всеми датами основания Твери, которые предлагает Малыгин. Что же делает он, чтобы опровергнуть дату 1162 г.? Ровным счётом ничего. Заподозрить здесь ошибку даже он оказывается не в состоянии. А поэтому объявляет, что фраза «А се бысть в Тфѣри» имеет в виду не город Тверь, а некое боярское село Тверь. Подобный логический, точнее, алогический приём мы видели и раньше, когда Малыгин срубил с датами 1149 г. и 1150 г. отнёс не к городу, а к селу Тверь. Но с письменными источниками такие логические выверты не

¹⁹ Кучкин В.А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богородицы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 487.

²⁰ Там же. С. 507—508.

²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 351.

проходят. В «Сказании о Владимирской иконе Божьей Матери» описание шестого чуда начинается словами «Боляшесть нѣкая жена в Муромѣ». Описание седьмого чуда так определяет его место: «В Русском Переяславѣ въ Славятинѣ манастири»²². Муром и Переяславль Южный — несомненные города, к тому же в XII в. столицы суверенных княжеств. Так почему же Тверь, названная в «Сказании» в той же связи, что Муром и Переяславль Южный, вдруг превратилась в село? Разве знает исследователь хотя бы единственный случай из древнерусской истории домонгольского времени, когда представитель клира главного собора княжества снисходил до посещения боярского села? Согласно «Сказанию», священник Лазарь посещал, помимо Твери, ещё только стольный Переяславль Южный и богатый дом в стольном Владимире на Клязьме (чудеса седьмое и восьмое)²³. Ни в каких сёлах он не «навитал». Клирики владимирского Успенского собора высоко ценили свою миссию по пропаганде культа главной соборной иконы. В их представлении эта икона «вся страны мира просвещаетъ»²⁴, а не просто «веси и села». Известны ли Малыгину примеры из истории домонгольской Руси, свидетельствующие о хранении в боярских сёлах XII в. золотых предметов? Думается, что нет. А из Твери, как сообщает «Сказание», во Владимир для украшения богородичной иконы были посланы золотые вещи. Археолог Малыгин должен быть в курсе того, могли ли бояре XII в. строить в своих сёлах церкви. Ответ на поставленный вопрос будет отрицательным: не строили. Между тем в описании девятого чуда «Сказания» фигурирует местный тверской священник. Значит, в Твери была церковь. Все эти «мелочи», которые не удостоились внимания Малыгина, свидетельствуют о том, что в «Сказании» речь идёт о городе Твери, а не о селе или деревне.

Пытаясь использовать всё, что он знает о Твери, исследователь приводит перечень упоминаний Твери в домонгольское время в различных памятниках русского летописания, делая вывод о редкости таких упоминаний, что, согласно его логике, свидетельствует о позднем происхождении города. Но если сравнить эти данные со свидетельствами об остальных 355 древнерусских городах домонгольского времени, известных по письменным источникам, то окажется, что большинство из них упоминаются в этих источниках 1—3 раза. Число упоминаний не может служить критерием при определении времени основания того или иного города.

Нет возможности останавливаться на всех приёмах и утверждениях Малыгина, вроде его ссылок на известных авторов, которые якобы писали о новгородско-суздальских рубежах XII в. то же самое, что теперь развивает он сам; на его критику оппонентов, никогда не высказывавшихся по затронутым Малыгиным вопросам; на его толкования летописных текстов, в которых не указывались города, лежавшие на пути наступавших сторон, а раз не указывались, значит, не были построены, и т.п. Однако об одном «открытии» Малыгина необходимо сказать несколько слов.

Рассматривая сообщение Ипатьевской летописи о месте сбора врагов Юрия Долгорукого (на левом берегу Волги при впадении в неё Медведицы), исследователь приходит к мысли, что никаких крепостей на правом берегу Волги от Тверцы до устья Медведицы у Юрия Долгорукого не существовало. Выше было показано, что это не так. Но, исходя из своих представлений, Малыгин

²² Кучкин В.А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция... С. 506.

²³ Там же. С. 507.

²⁴ Там же. С. 503.

написал, что всё это пространство никаким княжествам не принадлежало, а «многочисленные курганные группы по берегам Волги, которых значительно больше выше Дубны, чем в районе устья Медведицы и летописного Ксентяина, можно связывать... с населением свободных общинников — потомков первых славян, пришедших в лесную зону Восточной Европы, ещё не подвергшихся огосударствлению со стороны Новгорода и окняжению со стороны Суздаля и Смоленска». Заметим, что группы курганов не могут свидетельствовать о политической принадлежности территорий, а огосударствление и окняжение — одно и то же. Но главное не в этом. Малыгин вполне серьёзно пишет о совершенно особом населении, располагавшемся на правом берегу Волги. Но, например, в первой половине 1120-х гг. эта территория находилась под контролем одного человека — Владимира Мономаха. Став в 1113 г. киевским князем, он держал Новгород своим сыном Мстиславом, граничивший с Новгородом и Смоленском Суздаль — сыном Юрием Долгоруким, в Смоленске также правили сыновья Владимира Мономаха. Никаких свободно-общинных земель не было. И откуда исследователь знает, что именно общинники населяли правобережье Верхней Волги? В 1103 г. Владимир Мономах, уговаривая других князей идти походом на половцев, приводил им пример, что может быть с сельским жителем, если на него нападут кочевники. Он говорил об одном смерде и об одном дворе смерда, не упоминая его соседей²⁵. Едва ли Мономах представлял себе положение работавших в XII в. в сельском хозяйстве людей хуже, чем П.Д. Малыгин. Последнему, видимо, придётся искать жестяную вывеску на протогородском административном здании с надписью «Колл. хоз-во им. Перуна & В.В. Мономаха» для доказательства своей правоты.

²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 277.